

Дедовщина: разум и скотство

Когда городской парень приходит в современную армию, то он попадает в совершенно незнакомую для него среду. В городе он зачастую живет в отдельной квартире, имеет много «слабого общения» с широким кругом людей – продавцы в магазине, учителя, контролеры и т.п.

В новых условиях ему вдруг надо жить в казарме, тесно общаться с узким кругом людей, решать те проблемы, которые в городе за него решали специализированные структуры, и при этом решать совместно с коллективом поставленные перед ними задачи.

Призывник, оказавшийся в армии, испытывает шок, а наши военные при этом хотят, чтобы он нормально занимался боевой подготовкой и умел себя защитить? Да он вообще чувствует и ведет себя – как только что вылупившийся цыпленок в этой немыслимой для него среде.

Ситуация с 30х – 40х годов принципиальным образом изменилась – у подавляющего большинства современных призывников нет – просто нет – тех знаний, которые были у их сверстников (преимущественно – жителей деревень) в прошлом. Наши же военные думают, видимо, что необходимые знания должны родиться из воздуха, сами собой. А если этого не происходит – то виноваты призывники, общество и вообще – пусть эти призывники хоть сдохнут, раз не соответствуют «нормативам».

Почему, например, электрика учат, прежде чем забросить его в электробудку? Нет бы, учился сам – методом проб и ошибок. Ну, обуглился бы слегка, кого-то при таком методе «обучения» убило, но ведь научиться бы (кто-нибудь)! Вот таким же образом «учит» наша армия.

Деревенские жители 30-40х годов и современные «дети гор» или просто выходцы из деревни находятся в гораздо более благоприятном положении вовсе не потому, что каким-то неведомым образом извлекли знания из воздуха. Просто эти ребята получали соответствующий опыт с детства, жили в соответствующей среде и знают, как в ней себя вести. Они получали эти знания по нарастанию сложности – под опекой родителей, затем в коллективе сверстников и т.д.

Знания коллективной жизни вырабатывались не то, что веками, а тысячелетиями миллионами людей. И в результате люди открывали, как оптимально вести себя в тесном коллективе, как строить отношения, как решать общие задачи. Если же вы собрали незнающих «щенков» и бросили их в общую кучу без этих знаний, то они устроят что-то доисторическое и даже животное. Потому что нет у призывника миллиардов человеко-лет для самостоятельной выработки оптимальных отношений.

Опыт коллективной жизни современного призывника вынесен разве что из детских и учебных учреждений. Но в этих учреждениях ученики ориентируются на учителя, они в огромной степени не самостоятельны в решении задач, решают задачи индивидуальные, «за кулисами» находится дом и семья, коллектив весьма однородный и т.д. Очень немногие были, например, в строительных отрядах. Походы же с друзьями (что тоже не очень типично) – это все же с друзьями, да еще с целью отдыха и на небольшое время, что резко отличается от неоднородного рабочего коллектива, в котором надо долго и постоянно жить и работать.

К тому же качество «человеческого материала» катастрофически упало, по сравнению с первой половиной 20 века. А в чем же выход? А выход единственный – обучать заранее городских жителей, до их попадания в армию. Опыт тесной совместной жизни в больших коллективах перестал быть естественным. Он не «впитывается с молоком матери», он не осваивается на протяжении всей жизни. Этот опыт, поэтому, надо перевести в разряд специального знания, которое необходимо преподавать и учить применять. Причем преподавать надо – как и во всякой учебе – постепенно, с нарастанием сложности.

К сожалению, опыт жизни в больших коллективах почти не формулировался в словах и на бумаге. Он был столь естественным, что люди учились подражанием, передавая свое знание поступками, а не словами. И сейчас, когда опыт той жизни для многих людей исчезает, тем более трудно изложить его в виде учебников. Люди вообще очень редко формулируют причины самых естественных своих поступков – а это важно для

преподавания. Да и причины данного поведения порой скрыты в глубине веков, уже неизвестно, почему именно такое поведение оказалось наиболее приемлемым и с этим придется еще разбираться.

В словах формулировались экстремальные ситуации, словами формулировались поступки в таких ситуациях – именно из-за их редкости и возникала необходимость передавать словами подобный опыт. В результате знание в наибольшей степени охватывает экстремальные поступки, а раз другого знания у призывника нет, то его «тянет» перейти в экстремальное состояние (с более доступным знанием), реализовать варианты враждебного поведения в коллективе.

Тем не менее, формализовать опыт жизни в больших коллективах, перевести этот опыт в «академический» вид можно и нужно. Сумели же формализовать опыт сельскохозяйственной деятельности. Пока большинство людей занимались сельским хозяйством повсеместно и повседневно, то не было нужды делать из их деятельности специальную науку. Но затем и сельскохозяйственная деятельность стала делом небольшой части общества, и опыт этой деятельности приобрел «академический» вид, годный для преподавания.

И даже городские жители теперь порой заканчивают сельскохозяйственные институты и становятся хорошими специалистами. А какой крестьянский опыт у городского жителя? Разве что цветы на окошке выращивает или картошку на даче окучивает – ничтожный опыт для того, чтобы стать тем же агрономом.

Для того, чтобы учить, надо самому разбираться в проблеме. Но знания коллективной жизни в огромной степени утрачены в период перелома – в период стремительной индустриализации. И необходимое знание можно и нужно восстановить, собрать. Для этого надо отправить учёных по деревням, по диаспорам, по успешным военным коллективам и т.п. сообществам, имеющим опыт коллективной жизни.

Собирать знания нужно не только по «закоулкам» России. У нас ведь ещё нет важнейшего «закоулка» - отработанного веками опыта городской жизни. На Западе такой опыт есть. Можно исследовать, как взаимодействуют люди между собой в крупных западных мегаполисах – в том же Нью-Йорке, например.

Конечно, специфика жизни в городе – это во многом технологии контактов с незнакомыми (в момент начала контакта) людьми для решения каких-то задач. Но такие навыки тоже необходимы в современной армии в связи с углублением специализации, которая требует как развития коммуникаций для доставки решений/специалистов при возникновении соответствующих проблем, так и развития навыков у военных по установлению оперативных контактов с самыми разными службами. Такие навыки имеют много общего что в военных, что в мирных условиях. Некоторые знания в своих принципах вполне подходят и для мирной, и для военной жизни, например (из другой области) – логистика.

В армии в основном приходится действовать в рамках постоянного коллектива, поэтому один только опыт городской жизни не поможет. Поэтому интересно изучить опыт Швейцарии – тоже призывная армия, а её база – многонациональные общины. Весьма воинственные в прошлом горцы, досаждавшие остальным европейцам и служившие в качестве наёмников в самых разных странах. Эта страна тоже давно урбанизирована и у неё нет (сейчас, во всяком случае) проблем разрыва поколений, как у нас.

Израиль, конечно, интересен. По-настоящему всеобщая (даже для женщин) воинская обязанность, условия постоянной военной напряжённости и довольно развитое население. Интересно исследовать, как там решаются проблемы полготовки новобранцев, дедовщины и т.п. При этом надо смотреть не только на армию, но и на общество. Какие нормы поведения приняты в обществе, которые тренируют у израильтян коллективистские навыки.

При этом надо не только слушать самих израильтян, но и смотреть «свежим» взглядом, потому что люди склонны совершенно не замечать то, что для них привычно. Так наше общество не заметило разрыва поколений, когда прекратилась (на время – если не будет больших катастроф) неформальное обучение приоритету разума над чувствами у молодежи. Так наше общество не заметило и смены среды обитания, и ждёт от людей прежних коллективистских знаний, которые раньше люди незаметно для себя осваивали в деревнях.

Поэтому надо смотреть на другие страны «свежим взглядом», перерабатывая в формальное знание то, что у них не формально и даже не осознаётся ими. Кое-что можно будет привить у нас и не только для военных целей. Надо ещё выяснить, конечно, в какой степени их опыт может быть полезен для нас.

Выработанные учёными знания необходимо преподавать призывникам. Нужно объяснять, как реагировать на то, как реагировать на это. Если каждый человек в армии будет знать, что его товарищ обладает неким стандартным набором знаний, то им уже будет легче взаимодействовать друг с другом.

В процессе подготовки к службе должны быть и практические занятия. Например – жизнь в казарме. Призывники живут дома, но одни сутки, например, вместе проводят в казарме, осваивают на практике полученные знания общения, решают совместные задачи, развивают новые навыки. Потом неделю – снова дома, потому что надо осмыслить этот новый опыт. Затем через неделю-другую они проводят в казарме несколько дней, снова расходятся по домам и так по нарастающей.

При этом на лекциях призывники разбираются со специалистами в возникших проблемах, задают вопросы. Специалисты же обращаются к более компетентным коллегам, если не знают ответа сами. В необходимых случаях проводятся соответствующие исследования. Думается, что преподаватели должны быть преимущественно гражданскими, чтоб они могли научить призывника защищать свои права, в том числе, против офицеров.

Преподавание должно быть объективным, а не «промывкой мозгов» с целью создания бессловесных зомби. Поэтому готовить призывника для отправки в армию надо вне пределов самой армии. Когда сменится нынешний состав армии (более чем через 10 лет), воспитанный на «дедовщине», тогда можно будет более свободно допускать военных для подготовки призывников и проводить эту подготовку частично в армейских условиях. Но с этим лучше опоздать, чем поспешить.

Несомненно, что некоторые военные выразят возмущение предложением готовить призывников в ходе специального учебного процесса к длительной жизни и деятельности в военном коллективе. На взгляд таких военных это бессмысленная трата времени, сил и средств – призывники выучатся и так в ходе «шоковой» терапии – быстро и дешево.

Такие военные, видимо, не понимают, что есть более тонкие мысли, чувства и желания, чем унижать своих подчиненных и разводиться дедовщину. Таким военным, видимо, плевать, что втоптаные в состояние животности люди не могут – как правило – подняться с этого состояния к прежним вершинам. Такие военные делают всё, фактически, чтобы раздавить всякое превышение над собственной умственной убогостью, растоптать тонкие ум и чувства.

Военных, воспитанных на дедовщине, можно понять (чтоб не простить) – ведь с более высокого интеллектуального уровня видно, что подобные военные не соответствуют ни своей должности, ни современным требованиям. И их следует не то что не подпускать близко к подготовке солдат, но вообще гнать из армии к чертовой матери (а в военное время отправлять в штрафбат или рядовыми под строгим надзором, чтобы они не отсиживались в тылу).

«Шоковая терапия» может быть уместна в редких случаях и только тогда, когда готовы все структуры внутри человека для преодоления данных трудностей. Тогда стресс и выброс энергии, проходит по этим готовым структурам, показывая возможность их использования. (Я назвал лишь одно из десятков условий, необходимых для возможности успешной «шоковой терапии»). Но «шоковая терапия» губительна, когда необходимых структур (знаний, в частности) для преодоления трудностей нет.

Если взять первоклассника и бить его головой об стену, требуя придумать доказательство теоремы Пифагора, то он просто умрет. Если котят бросить в мешке в воду, то они утонут, а не обретут жабры. Если требовать от призывника чудесным образом придумать оптимальное поведение в незнакомой среде воинского коллектива, то у него будут отшиблены мозги. Потому что самостоятельно придумать то, что придумывали сотни миллионов людей за тысячи лет, не сможет никто и никогда.

«Дети гор» и ребята из деревень не проходили такой «шоковой терапии» – они получили необходимые знания дома, и получали их постепенно, в нормальных для обучения (щадящих) условиях. Почему же от городских ребят надо требовать невозможного? Только потому, что какие-то ретрограды (мягко говоря) при должностях не способны заметить разницу между городом и деревней, между сороковыми годами прошлого века и нашим временем?

Если ты живёшь в среде, наполненной какими-то идеями, знаниями, то тебе хорошие условия для их усвоения не нужны, потому что нет нужды сопротивляться окружающей информации, надо просто «отдаться» ей. А уж когда знания окрепли, то можно и в иной среде их применять. И вот такие «отдавшиеся» (в свое время) дагестанцы (например) долбят русских, городских жителей в своем большинстве из других условий.

Если же нужно создать что-то новое, то необходимы условия – хорошие условия, и если ты изучаешь что-то специальное, чего ты не встречаешь на каждом шагу, то тоже нужны условия. Но ведь каждый хочет считать себя вершиной прогресса, а в своем большинстве люди просто отдаются преобладающей информации

(преобладающей в обществе или своей группе). И им – отдавшимся – не нужны хорошие условия, но при этом они считают свои мнения очень умными и не нуждающимися в улучшении.

Поэтому заявления, что условия вообще никому не нужны, встречают одобрение большинства, ведь такие заявления оправдывают стадную безмозглость, которую это большинство готово превозносить как «коллективизм» и осуждать чужой умственный «индивидуализм».

Хочется, чтобы умный человек мог жить на помойке, обеспечивал прогресс и благополучие большинству, а сам ничего не просил? Вот такие желания – самый простой способ остаться без умных людей. Кто-то думает, наверно, что «естественный отбор» в состоянии вывести сколь угодно устойчивого человека? В состоянии. Такой человек – труп. Труп ни на что не жалуется и всё переносит. И безосновательное упование на естественный отбор – способ оправдывать свою глупость непонятно чем.

Люди – это части сверхорганизма общества и при развитии общества люди становятся сами по себе менее способными переносить неблагоприятные условия. Тяжесть противостояния с неблагоприятными факторами надо переносить на технику, которую люди должны создавать в благоприятных условиях.

Человек приходит в армию с какими-то жизненными планами, настроен на дальнейшую жизнь и т.д. Он не обязан уметь отстаивать свои интересы с кулаками – это противоречит специализации в современном обществе. А его «за это» – «мордой об стол». Может ли он в большинстве случаев вернуться к своим прежним стремлениям, своей прежней специализации? Нет.

При этом общество – каким оно является на сегодняшний день – требует, чтобы отслуживший и ум сохранил, и себя защищал. Но требования эти весьма скользкие, потому что какой-нибудь тупой – в современных науках и профессиях – кавказец, избивающий со своими земляками других сослуживцев, чуть ли не превозносится как положительный вариант «мужчины». Что-то никто не предъявляет ему претензий в том, что он туп и ничего не смыслит в современных науках. К русскому же, желающему заниматься своим специализированным делом, а не «долбёжкой», предъявляются ещё и претензии заниматься «долбёжкой».

То есть, тебе предлагают и самостоятельно защищать себя, и быть «ботаником». Но эти вещи несовместимы в подавляющем большинстве случаев. В то же время общество не против, чтобы ты был зверюгой. Тебя еще и хвалят будут. И как человек может решить эту дилемму? Кроме исключительных случаев – в пользу зверюги. Потому что общество фактически требует, чтобы ты был в первую очередь зверюгой.

Армия с дедовщиной погружает человека в мир совершенно с иным пониманием (даже ощущением) качества жизни, чем были у него на «гражданке». Он начинает ценить примитивные, «одноходовые» радости. И он уже зачастую не может вернуться от «вдолбленных» оценок. У него остаются прежние знания, но они теперь – мертвы, потому что потеряли свою ценность. Произошла «дегармонизация» человека, процесс, как правило, необратимый. Пока есть «ниточка жизни» у гармоничной жизни – есть и вдохновение от этой жизни. Когда же эта ниточка обрывается – она обычно сама не может возродиться.

Вот причина того, что из армии (нынешней с её дедовщиной) часто возвращаются люди крайне тупые по сравнению со своим исходным состоянием. Мои хорошие знакомые, отслужившие в армии и сохранившие разум на высоком уровне, плюются на этот период жизни, как на самый гнусный в их жизни. Они не приняли этих правил, но сколько приняли, сколько человек были умственно сломаны!

Человек, воюющий за свою Родину, постоянно имеет подпитку «ниточки гармонии» - он осознает, за что идет борьба, энергия перетягивается у примитивных кайфов в высокие чувства. Есть моральная подпитка, и ниточка гармонии не прерывается. В тупых же условиях дедовщины она грубо перерубается. Чтобы реанимировать ее – нужны особенно тонкие усилия, особая реабилитация в течение долгого времени. Ведь не зря для наемных армий, участвующих в несправедливых (или непонятных солдатам) войнах, характерно моральное разложение, в отличие от армий, защищающих правое дело.

Агрессоры в ходе испытаний теряют сначала ниточку гармонии, затем их глубина расчета событий падает, и в конце они попадают в безнадежное положение, которое уже не смогли предвидеть. Таким образом, моральное состояние тесно связано с разумом, укрепляет его, но само может поддерживаться, только если действия человека разумны, справедливы (на его взгляд), понятны ему.

И в условиях дедовщины человек получает опыт унижения, которое одобрено фактически обществом. Если у человека есть хоть немного разума, то он не может забыть этот опыт, потому что армия – серьезная составляющая жизни и информационного поля общества, а смысл слова «армия» и подобных слов наполнен теперь для человека вполне конкретным содержанием. Ему лучше было бы забыть этот смысл и вернуться к

прежнему до армейскому пониманию? Но у нормального (не сумасшедшего) человека правда об армии уже вплетена в его ниточки жизни и гораздо дешевле убить данного человека и вырастить нового, чем отделить правду об армии от остальных знаний данного человека.

И что даёт человеку опыт армейской жизни? Знание об ущербе, для недопущения которого есть ресурсы. Но он допускается, то есть – одобрен обществом. Зло, без которого можно обойтись. Попытка же его оправдать приводит к распаду разума. К возможности доказать всё что угодно из этого противоречия.

Фактически, этот принцип допустимости дедовщины (и подобных явлений) оказывается выше развития разума общества и защиты человеческой личности. Он становится самодовлеющим. Казалось бы, можно объявить его исключением из правила в духе: «Всегда преобладают принципы развития разума общества, для чего обычно необходима и защита личности, но есть исключение – дедовщина важнее принципов развития и защиты разума общества».

Но на каком основании делается такое исключение? Это исключение явно ущербно для существования и развития общества. И ради чего его делать? Неприятное, вредящее людям исключение, да ещё и в голове надо держать эту нелепую конструкцию. Почему тогда не держать в голове любую другую нелепую конструкцию? И почему не построить общество на принципах без подобного нелепого исключения?

Обычно люди, всё же, принимают данное исключение – трудно идти против «общественного мнения» и есть старый мистический страх, что своим несогласием с обществом ты нарушаешь какое-то такое табу, за которое тебе светит потусторонняя, непонятная для тебя жуткая кара. Однако, согласившись с нелепым исключением, человек впадает в неявное противоречие: улучшить общество можно, но ... нельзя. Видимая и понятная для тебя возможность улучшения общества есть, но – она недопустима по каким-то потусторонним непостижимым причинам.

Но самое неприятное, что эти «потусторонние причины» – людоедские и защищают людоедские принципы. Отказавшись от разума – фактически – человек невольно вынужден вспоминать эти людоедские принципы, потому что вынужден раз за разом блокировать свой разум с их помощью. И людоедские принципы требуют своей материализации, просто для удобства их вспоминания. А поскольку эти людоедские принципы выше нормальных человеческих, то ради их воплощения в жизнь «мы за цену не постоим».

Человек ведь неизбежно материализует свои представления и напоминания о них. Общество само заблокировало для человека возможность жить нормально, навязав ему дебильное исключение дедовщины. Попадание в тюрьму после этого вполне вписывается в рамки данного принципа. И угроза наказания не даёт приемлемых гарантий от зверств вернувшегося со срочной службы и потерявшего там все мозги.

Автор: Гуринович Дмитрий   © Интернет против телеэкрана   АВТО-МОТО , МИР   👁 2280   05.04.2005, 13:13
👤 231

URL: <https://babr24.com/?ADE=20875>   Bytes: 20820 / 20820   Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)